

Агиографическое и историографическое в очерке Бориса Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский»

*Марина Валериевна Ветрова
ул. Генерала Хрюкина, д.20, кв.30, г. Севастополь*

Ветрова Марина Валериевна – аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы. В 2001 году закончила филологический факультет Таврического национального университета. Тема дипломной работы: «Поэтика воцерквленной литературы. Жанровое своеобразие прозы Б. Зайцева эмигрантского периода». Область научных интересов – вопрос о соотношении веры и искусства; Православие и русская литература; попытки создания воцерквленной литературы от древнерусских авторов до наших современников; литература русского зарубежья, в частности творчество Б. К. Зайцева и И.С. Шмелева.

В данной статье рассматривается развитие агиографической традиции в очерке Бориса Зайцева “Преподобный Сергей Радонежский” и выявляется характер ее связи с историографической традицией.

У даній статті розглядається розвиток агіографічної традиції в нарисі Бориса Зайцева “Преподобний Сергій Радонежський” та виявляється характер її зв’язку з історіографічною традицією.

In this paper development of hagiography tradition in Boris Zaytsev story "Prepodobny Sergyy Radonezhsky" is considered, dependence between hagiography and historiography traditions is shown.

Ключевые слова: русское зарубежье, поэтика, жанр, агиография

Очерк «Преподобный Сергей Радонежский» занимает особое место в творчестве Бориса Зайцева, знаменует собой переход писателя на новые идейно-художественные позиции. Эмигрантские произведения Зайцева заметно отличаются от тех, что были написаны им на родине. Появление новых черт в поэтике писателя было связано, прежде всего, с теми существенными изменениями, которые произошли в его мировоззрении.

Пережив революцию, Гражданскую войну, смерть близких и оказавшись в пожизненном изгнании, Зайцев приходит к глубокому переосмыслению своих прежних взглядов. Отныне писатель находит для себя опору в Православии. Главной темой его творчества становится Святая Русь, которую автор открывает в русских подвижниках, в древних монастырях, в творениях классиков родной литературы. Но меняется не только тематика произведений Зайцева, обновляется его художественная манера в целом. И первым серьезным опытом писателя в этой области является жизнеописание преподобного Сергия, “игумена земли русской”.

Очерк Бориса Зайцева “Преподобный Сергей Радонежский” является частью обширного пласта литературы, посвященной великому русскому подвижнику XIV века. Можно выделить три подхода в описании жизни и дел основателя Троице-Сергиевой Лавры: житийный, богословский и историографический. Житийная линия берет начало от Епифания Премудрого; кроме него в агиографическом жанре о Сергии писали: митрополит Московский Платон (Левшин), митрополит Московский Филарет (Дроздов), архиепископ Филарет (Гумилевский), архимандрит Никон (Рождественский), патриарх Московский и всея Руси Алексей (Симанский). Богословская линия представлена трудами С.Н. Булгакова, П. Флоренского, Е. Трубецкого. В русле историографического направления писали о преподобном Сергии В.О. Ключевский, Е.Е. Голубинский и др. Борис Зайцев, работая над жизнеописанием Сергия, безусловно, опирался на все три подхода, но собственно богословским рассуждениям автор уделял меньше внима-

ния. Для него важным было прежде всего воссоздать облик любимого русского святого, напомнить о событиях его жизни. Поэтому в большей степени писатель использовал агиографические и историографические труды, соединив в своем очерке черты как житийной, так и исторической литературы.

Сравнивая художественные особенности очерка Зайцева с поэтикой агиографической литературы, следует учитывать тот долгий путь развития и становления жанра жития, который вылился в существующее многообразие форм, характерное для этого жанра.

Первые оригинальные древнерусские жития предназначались для богослужебного употребления, но не в качестве церковной проповеди, а в виде проложной записки или «памяти» о святом, которая читалась во время службы. Цель, с которой были созданы эти древнейшие русские жития, предопределила их форму: они изложены сухим, сжатым языком, благодаря чему на первый план выступает фактическое содержание жития.

Но уже в начале XV века развитие русской агиографии принимает иное направление, вызванное вторым южнославянским влиянием. Основной задачей автора жития становится не сохранение исторической памяти о святом, но извлечение из его жизни духовно-нравственных уроков. В связи с этим меняется стиль произведений агиографического жанра: они принимают характер церковной проповеди, насыщенной риторическими приемами. Вместе с тем, в житиях этого периода точность изложения исторических событий приносилась в жертву «плетению словес». По заключению В.О. Ключевского, «церковно-ораторские элементы жития стали на первом плане, закрыв собой элементы историографические. Житие превратилось в стройное и сложное архитектурное здание, в однообразные формы которого стремились облекать разнообразные исторические явления» (7,363).

Именно такого рода произведением является Житие Сергия Радонежского, созданное выдающимся писателем, учеником преподобного, Епифанием Премудрым. Это первое письменное изложение жизни Сергия, с одной стороны, являет собой образец стиля «плетения словес», а с другой, -- содержит бесценные свидетельства очевидца о жизни и трудах великого подвижника.

Однако в ходе дальнейшего развития агиографического жанра стало очевидным, что чрезмерная словесная изукрашенность житий подобного рода является препятствием для их чтения в церкви в день памяти святого. Этим объясняется слабая распространенность творений Епифания. По этой же причине в древнерусской литературе появляется новый вид жития, представляющий собой сокращенное изложение уже существующих агиобиографий. В XV веке над созданием таких переложений трудился Пахомий Логофет; позже Макарий и Димитрий Ростовский также сокращали оригинальные памятники агиографии для внесения их в состав Четьи Миней. Неоднократной переделке подвергалось и епифаниево «Житие Сергия Радонежского».

Сопоставление особенностей первого жития Сергия и современного жизнеописания святого, представляется нам небезынтересным. Учитывая существующее многообразие форм агиографической литературы, для достижения большей объективности результатов исследования, мы включили в сопоставление Житие Сергия Радонежского, входящее в состав Четьи Миней святителя Димитрия Ростовского.

Жанр жития, как и все жанры древнерусской литературы, подчинялся законам литературного этикета, который слагался «из представлений о том, как должен был совершаться тот или иной ход событий; из представлений о том, как должно было вести себя действующее лицо сообразно своему положению; из представлений о том, какими словами должен описывать автор совершающееся» (9,356). Следование этикету проявлялось, в частности, в создании образа автора. В агиографической литературе образ автора находится в тесной зависимости от особенностей жанра. В искусстве русского средневековья, по замечанию Д.С. Лихачева, «автор в гораздо меньшей степени, чем в новое время, озабочен внесением своей индивидуальности в произведение» (9,333). Образ автора создается в соответствии с целью жития. Цель Епифания – восхваление святого и извлечение из его жизни духовно-нравственных уроков. Агиограф пишет о своем желании «поведать о жизни праведного старца», ибо «если будет написано житие, то, услышав о нем, кто-нибудь последует примеру жизни Сергия и от этого пользу получит» (3,11). Автор, ставящий пред собой подобную цель, выступает «не как наблюдатель, в тишине келии изучивший и обдумавший описываемые явления, а как вития с церковной кафедры перед многочисленными слушателями» (8,403). Вместе с тем, Епифаний указывает на то, что он взялся за написание жития не ради собственной славы, но из любви к святому. Говоря о себе, автор использует целый ряд принижающих эпитетов; называет себя «немошным», «грубым», «недостойным», «окаянным», «неразумным», «дерзким». Соз-

дание жития Епифаний не ставит себе в заслугу, но подчеркивает, что без помощи Божией он не смог бы описать “множество трудов старца и великих дел его”(3,11).

В “Житии Сергия Радонежского”, изложенном Димитрием Ростовским, автор выражает отношение народа к преподобному. Составитель жития избегает говорить о себе; все его внимание направленно на личность святого, его жизнь и подвиги.

В предисловии к своему очерку о преподобном Сергии Зайцев, так же как и Епифаний, указывает на цель своего произведения: “вновь, в меру сил, восстановить в памяти знающих и рассказать незнающим дела и жизнь великого святителя”(5,475). Писатель тоже использует прием авторского умаления и противопоставляет свою недостойность и величие святого. Но прием этот не развернут, как у Епифания, в целый ряд синонимичных эпитетов, а дан очень кратко, одним штрихом: свой труд писатель называет “очень скромным” (5,475). Эта почтительная дистанция между нами и преподобным Сергием сохраняется на протяжении всего произведения.

Согласно агиографической традиции, у Зайцева образ автора выражает коллективное отношение к изображаемому. Писатель стремится уйти от навязывания читателю собственного взгляда; он только раскрывает отношение народа к преподобному Сергию. В этом ярко проявляется авторская скромность.

Повествуя о событиях жизни великого святого, писатель выступает в роли постороннего наблюдателя, которому не дано проникнуть в душу героя, понять его мысли и чувства. Личность преподобного Сергия раскрывается через его поступки, а не через изображение внутреннего мира. Когда же автор говорит о мотивации поступков или о подробностях жизни святого, о которых мы не можем знать точно, то всегда использует такие слова и выражения, как “видимо”, “очевидно”, “можно думать”, “может быть” и т.п. Данные слова “используются автором как специальный прием, функция которого – оправдать применение глаголов внутреннего состояния по отношению к лицу, которое <...> описывается с какой-то посторонней («остраненной») точки зрения. Их можно назвать соответственно «словами острашения»(11,113). В использовании подобных выражений как нельзя лучше проявляется скромность и такт автора, его почтительность по отношению к святому: «Вероятно, как игумен, он внушал не страх, а то чувство поклонения, внутреннего уважения, при котором тяжело сознавать себя неправым рядом с праведником»(5,486).

Строгое следование этикету, характерное для агиографической литературы, влияло и на построение житий. Все события, не соответствующие требованиям канона, оставались вне поля зрения агиографов. Вошедшие в текст жития факты излагались в определенной последовательности. Придерживаются установленных правил и Епифаний; в написанном им житии такие словесные формулы, как «следует знать», «нужно рассказать», «должно следовать» встречаются достаточно часто: «Эти рассказы о создании монастырей учениками святого должны следовать за рассказом об основании монастыря, который был на Дубенке...»(3,81).

В «Житии Сергия Радонежского», составленном Димитрием Ростовским, события выстроены по той же схеме. Жизненный путь преподобного Сергия описан в этом житии четко и лаконично, без пышных словесных украшений, свойственных стилю Епифания. Такая манера изложения является следствием специфики данного жития, которое, как и другие жития из Четьи Миней, предназначалось для прочтения в церкви в день памяти святого. Основное внимание автор уделяет описанию подвигов и чудес преподобного Сергия; об исторических фактах и об основании монастырей говорится очень кратко. Все события, происходящие в жизни святого, все его поступки в этом житии, как и у Епифания, объясняются Божьим Промыслом: «И это было по смотрению Божию, дабы дитя получило разум книжный не от людей, но от Бога»(2,512).

Композиция «Преподобного Сергия Радонежского» также соответствует житийному этикету. Зайцев в своем повествовании соблюдает последовательность, необходимую для изображения жизни святого. Однако в некоторых случаях писатель отступает от заданной схемы, например, две вставные главы – «Преподобный Сергий и Церковь» и «Сергий и государство» -- нарушают линейность повествования. Основное внимание автора очерка сосредоточено именно на облике преподобного Сергия, в то время как Епифаний, согласно требованиям агиографического жанра, наиболее подробно описывает подвиги и чудеса святого, а также его роль в распространении монастырей на Руси.

Этикетность в произведении Зайцева проявляется и в том, что автор постоянно подчеркивает, что единственным «водителем» в жизни преподобного Сергия была всегда воля Божия. Зайцев, как и Епифаний, не признает иной мотивации поступков святого, кроме выполнения предначертанного Богом. Даже

когда с обычной точки зрения преподобный совершает «шаг загадочный», автор подчеркивает, что не все можно постигнуть «малым разумом», и не нам, с нашим слабым «эвклидовым» умом размышлять о том, что для нас сокрыто: «Как можем мы знать его чувства, мнения? Мы можем лишь почтительно предполагать: так сказал внутренний голос»(5,497).

Для агиографической литературы было характерно стремление к художественному абстрагированию изображаемого. Как указывает Д.С. Лихачев, «абстрагирование вызывалось попытками увидеть во всем «временном» и «тленном», в явлениях природы, человеческой жизни, в исторических событиях символы и знаки вечного, вневременного, «духовного», божественного»(9,370). Поэтому язык житий должен был быть обособленным от бытовой речи. Это поднимало события жизни святого над обыденностью, указывало на их вневременной характер. Из житийных произведений по возможности «изгонялась бытовая, политическая, военная, экономическая терминология, названия должностей, конкретных явлений природы данной страны»(9,372).

В отличие от первого созданного им жития Стефана Пермского, в жизнеописании преподобного Сергия Епифаний стремится к большей фактичности и документальности. Это связано с тем, что автор долгое время жил в монастыре Сергия, был прекрасно знаком с местом описываемых событий, знал многих живых свидетелей жизни святого.

Тенденция к абстрагированию в произведении Епифания проявляется также в большом количестве аналогий из Священного Писания и из житий других святых: «Старцы, увидев это, подивились вере Стефана, сына своего не пощадившего, еще отрока, но с детских лет отдавшего его Богу, -- как в древности Авраам не пощадил сына своего Исаака»(3,53). Подобные аналогии, по заключению Д.С. Лихачева, «заставляют рассматривать всю жизнь святого под знаком вечности, видеть во всем только самое общее, искать во всем наставительный смысл»(9,373).

Использует похожие аналогии и Димитрий Ростовский, однако, в меньшем количестве, соответствующем лаконичному стилю жития: «Подобно тому, как пред Божию Материю радостно зыграл во чреве св. Иоанн Предтеча, так и сей младенец зыграл пред Господом во святом Его храме»(2,512).

Язык, которым написано произведение Зайцева, безусловно далек от «высокой книжности» языка Епифания. Писатель широко использует имена собственные, географические названия, делает подробные экскурсы в историю. Однако это стремление к исторической точности имеет целью как можно более полное раскрытие роли преподобного Сергия в истории русской Церкви и русского государства. Автору необходимо было ввести читателей в атмосферу того времени, иначе многое из жизни святого осталось бы непонятым.

Вместе с тем, в очерке Зайцева также заметно стремление к абстрагированию. В частности, писатель подчеркивает, что жизнь святого строилась не по земным, но по небесным законам. В главе «Св. Сергей чудотворец и наставник» автор говорит о том, что «законы буден», по которым мы живем, не единственны. Над ними есть другие законы, естественные для мира высшего. И жизнь святого подчинялась именно этим высшим законам(5,489).

На протяжении всего произведения писатель сравнивает преподобного Сергия с Франциском Ассизским, вернее, противопоставляет их: «... он требовал от иноков труда и запрещал им выходить за подаянием. В этом резкое отличие от св. Франциска»(5,486). Проводятся также параллели с жизнью Феодосия Печерского, св. Антония и других святых. Однако если Епифаний подчеркивает сходство между какими-либо обстоятельствами жизни Сергия или его поступками и аналогичными примерами из жизни других святых, то Зайцев указывает на различия; он ставит перед собой цель раскрыть особенности облика преподобного Сергия, подчеркнуть его характерные черты: «Путь Савла, вдруг почувствовавшего себя Павлом, -- не его путь»(5,489). «Трудно представить на его месте, например, Феодосия Печерского»(5,497).

Чтобы помочь читателю яснее представить себе облик святого, Зайцев вводит в очерк небольшие фрагменты, где раскрывает черты, присущие преподобному Сергию. Но выводятся эти черты не с помощью проникновения в переживания и мысли святого, а через поступок, действие. Особенно много говорят о преподобном такие важные поступки, как уход на Маковицу, затем ночной уход из монастыря, благословение Димитрия Донского. Описывая эти действия святого, Зайцев указывает на те стороны личности преподобного Сергия, которые раскрываются в том или ином поступке. Так, об оставлении святым дома автор пишет: «В самой истории ухода ярко проявился ровный и спокойный дух Варфоломея»(5,479). Об уходе из монастыря на Киржач Зайцев размышляет: «Мы знаем ясность и спокойствие Сергия. По-

ступок “нервный”, вызванный внезапным, острым впечатлением, совсем не идет Сергию...”(5,496). Автор приходит к выводу, что в этом поступке святым руководила “ясная, святая вера, что так будет лучше”. Может быть, вопреки малому разуму, но – лучше. Чище”(5,497).

Не менее яркий поступок - благословение Дмитрия Донского. Здесь снова проявляются характерные черты преподобного Сергия: "До сих пор Сергей был тихим отшельником, плотником, скромным игуменом и воспитателем, святым. Теперь стоял перед трудным делом: благословение на кровь... Сергей не особенно ценил печальные дела земли... Но не его стихия - крайность. Если на трагической земле идет трагическое дело, он благословит ту сторону, которую считает правой. Он не за войну, но раз она случилась, за народ и за Россию, православных. Как наставник и утешитель, "Параклет России", он не может оставаться безучастным" (5, 504-505). Из таких поступков складывается облик преподобного Сергия.

В житиях Епифания и Дмитрия Ростовского абстрагирование проявляется также в том, что национальные черты в облике святого, а также людей и природы, окружающих его, не указываются. Для авторов этих житий святость Сергия имеет общечеловеческое, а не национальное значение.

Для Зайцева же было важно показать Сергия именно русским святым. Но от принципа абстрагирования автор и здесь не отступает. Черты, присущие Сергию, складываются не в характер, свойственный одному человеку, но в тип, объединяющий в себе особенности, присущие русскому национальному характеру: "Как святой, Сергей велик для всякого. Подвиг его всечеловечен. Но для русского в нем есть как раз и нас волнующее: глубокое созвучие народу, великая типичность - сочетание в одном рассеянных черт русских. Отсюда та особая любовь и поклонение ему в России, безмолвная канонизация в народного святого, что навряд ли выпала другому" (5, 474).

Зайцев не случайно подчеркивает национальные черты Сергия. Писателю было важно опровергнуть мнение о русском народе как о народе-богоборце, распространившееся в мире после событий 1917 года. Всей своей жизнью преподобный Сергей доказывает несостоятельность такого представления: "В народе, якобы лишь призванном к "ниспровержениям" и разинской разнузданности, к моральному кликушеству и эпилепсии, – Сергей как раз пример, любимейший самим народом, ясности, света прозрачного и ровного. Он, разумеется, заступник наш. Через пятьсот лет, всматриваясь в его образ, почувствуешь: да, велика Россия. Да, святая сила ей дана. Да, рядом с силой, истиной, мы можем жить" (5,515).

Для созданного Епифанием "Жития Сергия Радонежского" характерен стиль "плетения словес", отличительная особенность которого заключается в наличии большого количества языковых приемов, не являющихся, однако, просто словесной игрой. Как указывает Д.С. Лихачев, это "повторение однокоренных слов, или одних и тех же слов, или слов с ассонансами". Такое "нагромождение слов с одинаковым корнем необходимо, чтобы эти слова были центральными по смыслу"(9,389). Кроме этого в житии присутствует немало сравнений, основанных не на зрительном сходстве, а касающихся внутренней сущности объектов: "Как некий орел, легкие крылья подняв, как будто по воздуху на высоту взлетает - так и этот преподобный оставил мир и все мирское" (3,34).

Составляя житие преподобного Сергия для Четьи Миней, Дмитрий Ростовский взял за основу труд Епифания, устранив из него многочисленные словесные украшения. Язык нового жития отличается поэтому простотой и лаконичностью, хотя некоторые языковые приемы, напоминающие о стиле "плетения словес", сохранились. Так, например, в тексте жития присутствует соединение двух синонимов - прием, характерный для орнаментальной прозы XV столетия: "Мать преподобного была объята страхом и ужасом." (2,512).

Для художественной образности очерка Зайцева характерна сдержанность. Цель автора - как можно точнее передать облик преподобного Сергия - определяет специфику средств художественной выразительности. Немногочисленные эпитеты используются не столько для украшения, сколько для обозначения основного качества объекта, например: "сумрачные леса", "грозный лес, убогая келия", "чинное детство", "суровая страна", "тихий отшельник", "скромный игумен" и т.п.

Для изображения самого преподобного Сергия и его чудес, Зайцев использует эпитеты и сравнения, связанные со светом, например: "светлые видения", "дивный свет", "небесный свет", "блистающие одежды", "легкий небесный пламень", "светлый вечер", "ослепительный свет", "друг легкого небесного огня", "свет, легкость, огонь его духа", "блистательное проявление". Такая насыщенность языка произведения "светлыми" образами создает атмосферу постоянного присутствия "небесного огня", сопровождающего преподобного Сергия.

Есть похожие сравнения и у Епифания: он называет святого "светилом пресветлым", "звездой незаходимой", "лучом тайно сияющим", "венцом пресветлым". Однако здесь эти сравнения являются составляющей частью стиля "плетения словес" и выполняют скорее эстетическую, нежели смысловую функцию.

Образы, связанные со светом и огнем, встречаются и в житии, составленном Димитрием Ростовским. Преподобный Сергей называется здесь "великим светильником миру", его слава "будет сиять вечно". Подробно описываются "светлые" видения святого, а он сам и его ученики "горели и пламенили любовью к Богу яснее самых ярких свеч" (2,525).

Специфика жанра жития предполагает отсутствие конкретных портретных и пейзажных описаний. В житии, написанном Епифанием Премудрым, нет ни одного изображения внешности преподобного Сергия. Лишь в одном случае автор описывает ветхую одежду святого, чтобы показать, "сколь усерден был Сергей в своем смирении, если ходил в облачении нищего" (3,62). В "Похвальном слове" Епифаний дает духовный портрет святого: "его внешность честная была прекрасна ангельской сединой, постом он был украшен, воздержанием сиял и братолюбием цвел, кроткий взором, с неторопливой походкой, с умиленным лицом, смиренный сердцем" (3,96). Это изображение преподобного Сергия соответствует житийному этикету и дает представление не столько о внешности, сколько о внутреннем облике подвижника. Нет в епифаниевском житии и пейзажей. О местности автор говорит ровно столько, сколько необходимо для ясного понимания подвига преподобного, ушедшего из мира в "место пустынное, в чаще леса, где была и вода" (3,30).

В творении Димитрия Ростовского также нет портретных и пейзажных описаний, за исключением изображения Маковицы и одежды Сергия, схожих с теми, которые даны у Епифания.

В произведении Зайцева изображение портрета и пейзажа приближается к требованиям агиографического канона. Автор описывает преподобного Сергия как "скромного монаха", "простого с виду". Вместе с тем в одной из глав писатель дает развернутое описание внешности святого: "Как удивительно естественно и незаметно все в нем! <...> Негромкий голос, тихие движения, лицо покойное, святого плотника великорусского. Такой он даже на иконе – через всю ее условность – образ невидного и обаятельного в задушевности своей пейзажа русского, русской души. В нем наши ржи и васильки, березы и зеркальность вод, ласточки и кресты, и несравнимое ни с чем благоухание России. Все – возведенное к предельной легкости, чистоте" (5,491-492). Этот портрет не соответствует строгому житийному канону. Нельзя назвать его и реалистическим; тем не менее, в нем ясно видны те черты, которые отличают преподобного Сергия от других святых, делают его выразителем русского духа.

Как видно из приведенного сопоставления, в очерке Бориса Зайцева "Преподобный Сергей Радонежский" присутствует немало черт, сближающих произведение писателя с образцами агиографической литературы. Можно сказать, что очерк о великом подвижнике является опытом реконструкции жанра жития, явившимся первым шагом Зайцева на пути к созданию новой, воцерковленной литературы.

Вместе с тем, писатель, несомненно, использовал в работе над своим произведением существующие исторические труды об основателе Троице-Сергиевой Лавры, что также не могло не повлиять на поэтику очерка.

Рассматривая особенности "Преподобного Сергия Радонежского", М.М. Дунаев пишет: "Зайцев в своем труде - в значительной мере именно историк, выносящий смысл святости для судеб России" (1,555). Действительно, цель автора - рассказать о жизни великого святого и тем самым приблизить читателя к постижению Святой Руси - не была бы достигнута столь полно, если бы Зайцев стал строго придерживаться агиографического канона, не привнося в него ничего нового. Писатель создавал свое произведение для светского читателя, обладающего секуляризованным сознанием. Язык житийной литературы остался бы чужд для подобной читательской аудитории. По этой причине Зайцев совершает переложение жития преподобного Сергия на мирской язык, привнося в жизнеописание святого элементы историографии.

Само обращение писателя к личности Сергия Радонежского было обусловлено, прежде всего теми событиями, которые произошли в истории России XX века. Казалось бы, выбранная автором тема уводит от действительности, никак не соприкасается с ней. Однако это не так. По верному замечанию А.М. Любомудрова, "наверное, одной из главных причин обращения к образу Сергия явилась схожесть исторических эпох, Революция многими воспринималась как новое порабощение России; в крови, жертвах, разрухе послеоктябрьских лет виделись последствия нового "ордынского ига" (10,267). Именно по-

этому преподобный Сергей особенно почитался в среде русской православной эмиграции. Имя этого святого получило основанное в июле 1924 года в Париже русское Церковное Подворье, при котором через год был образован Православный Богословский институт. Для многих людей, оказавшихся в изгнании, преподобный Сергей, благословивший Дмитрия Донского на битву с ордой, олицетворял собой силу, способную противостоять ужасам войн и революций и являлся залогом будущего возрождения России.

Сходство исторических эпох обусловило наличие в очерке Зайцева двух временных пластов. Рассказывая о жизни и делах преподобного, автор неоднократно проводит параллели между событиями XIV и XX веков. Для писателя представлялось особенно важным дать подробную характеристику эпохи Сергея. Историографические отступления встречаются на протяжении всего зайцевского повествования: автор раскрывает особенности общественно-политической жизни Московского государства, включает в произведение словесные портреты видных исторических деятелей того времени, описывает некоторые стороны быта наших предков. Кроме этого, текст своего очерка Зайцев снабдил обстоятельными историческими комментариями, свидетельствующими о масштабах проделанной им работы по изучению эпохи XIV века.

В центре внимания Зайцева - историограф находится, безусловно, благословение Сергием русского войска во главе с князем Дмитрием. Размышляя об этом поступке преподобного, писатель возвращается к событиям XX века и пытается ответить на вопрос о сопротивлении злу силой.

Все беды, обрушившиеся на Россию, - революция, война, террор, - а также личная трагедия - не ожесточают Зайцева, а укрепляют в нем чувство смирения и покаяния. Писатель стремится раскрыть вечный, вневременной смысл происходящего. И на события XIV века, и на явления настоящего времени Зайцев смотрит прежде всего как на борьбу Божественного и дьявольского. Примечательно, что, по мнению писателя, помочь одержать победу в этой борьбе может именно преподобный Сергей - не воин и не князь, а "скромный монах", основными свойствами которого являются кротость и смирение. Именно эти качества, по глубокому убеждению Зайцева, - единственное оружие, которым можно победить врага духовного. И все же Сергей благословляет Дмитрия Донского на битву, на пролитие крови, потому что против физического врага нужно бороться еще и мечом: "Если на трагической земле идет трагическое дело, он благословит ту сторону, которую считает правой. Он не за войну, но раз она случилась, за народ и за Россию, православных. Как наставник и утешитель, "Параклет России", он не может оставаться безучастным" (5,505).

Вопрос об отношении к "новой орде" был актуален не только для Бориса Зайцева, но и для всего русского Зарубежья. Споры о Белом движении, о Добровольческой армии, с оружием в руках выступившей против богоборческой власти, не утихали в среде эмигрантов с первого дня изгнания. Дискуссия разгорелась с новой силой после выхода в свет трактата И.А. Ильина "О сопротивлении злу силой" (1925) с посвящением русским "белым воинам, носителям православного меча"(6,6). Зайцев, далекий от любых крайностей, раскрывает свою точку зрения на эту проблему в ряде очерков, посвященных праведникам русской земли. В частности, в очерке "Венец Патриарха" писатель подчеркнул принципиальную позицию патриарха Тихона: "сохранить Церковь, укреплять внутренне Православие, побеждать не оружием, а духом"(4,367). В "Преподобном Сергии Радонежском" прослеживается та же мысль: главная победа - духовная, а не военная. Но и меч бывает необходим, если он поднят в защиту правого дела.

Преподобный Сергей - один из немногих святых, чья личность привлекает к себе внимание не только агиографов, но и историков. Несомненно, это связано с тем неопределимым вкладом, который внес Сергей в историю русского государства. Епифаний Премудрый, следуя в своем "Житии Сергия Радонежского" агиографическому канону, периодически обращается к той стороне деятельности святого, которая обычно оставалась за узкими рамками жития. В частности, Епифаний включает в свое повествование сведения об основании монастырей и, конечно, о благословении Сергием князя Дмитрия на победу в Куликовской битве.

В собственно исторических трудах о преподобном Сергии основное внимание исследователей сосредоточено именно на мирской стороне деятельности святого. Поскольку сведения, которые содержались в житиях Сергия, оказывались недостаточными, авторы обращались к свидетельствам древнерусских летописей. В результате, фактическая сторона изложения выигрывала, но утрачивалось главное - преклонение перед Сергием, как величайшим угодником Божиим и молитвенным заступником русской земли.

Такого рода исследование принадлежит перу императрицы Екатерины Второй – "О преподобном Сергии" (Историческая выпись). Известны труды о жизни Сергия, созданные выдающимися русскими историками Н.И. Костомаровым ("Преподобный Сергей") и Е.Е. Голубинским ("Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра").

В примечаниях к своему очерку Зайцев неоднократно ссылался на работу профессора Голубинского, послужившую писателю основным источником исторических фактов об эпохе и жизни Сергия. Вместе с тем, автор очерка не стал создавать очередное историческое исследование о святом, а пошел по собственному пути. Как указывает А.М. Любомудров, "Зайцев – прежде всего художник, а не историк или богослов. Его талант всегда был направлен на открытие человеческой личности. Поэтому определяющей чертой книги стало создание живого облика Сергия, а точнее – его воссоздание" (10,268). Будучи православным художником, Зайцев сумел не только открыть главное в личности Сергия, но и постигнуть смысл истории глубже, чем это удавалось тем авторам, которые ограничивались изложением фактов. В этом писатель приближается к создателю житийной литературы, который, по утверждению В.О. Ключевского, "смелее и шире летописца обнимал русскую жизнь... Древнерусская мысль не поднималась выше того исторического понимания, какое усвоила и развила литература житий" (7,434-435).

В работе над жизнеописанием святого, Зайцев избежал политизации образа Сергия. Писатель подчеркивает, что юноша Варфоломей "меньше всего думал об общественности, уходя в пустыню и рубя собственноручно "церквицу": а оказался и учителем, и миротворцем, ободрителем князей и судьей совести" (5,68). В этом автор очерка расходится с историками, видевшими в Сергии прежде всего государственного деятеля.

Писатель подчеркивает, что Сергей, долгое время уклонявшийся от игуменства, отказавшийся от митрополичьей кафедры и всю жизнь искавший уединения, принимает участие в "печальных делах земли", ведомый Божиим Промыслом. Такое понимание пути преподобного является следствием православного взгляда на историю, который был характерен для Зайцева. Писатель во всяком историческом событии, как глобальном, так и незначительном видит действие Руки Божьей. Поэтому, отмечая в очерке Зайцева элементы историографии, не следует забывать о том, что это историография особого рода, вскрывающая в событиях материального мира их духовный смысл.

К такому осмыслению личности и судьбы преподобного Сергия близка точка зрения историка В.О. Ключевского, который в своей работе "Значение преподобного Сергия для русского народа и государства" соединил исторический и церковный взгляды на роль святого в судьбе России. Для автора имя Сергия – "это не только назидательная, отрадная страница нашей истории, но и светлая черта нашего нравственного народного содержания" (8,389). Главной заслугой преподобного историк считает "нравственное воспитание народа" (8,393) и поэтому основное внимание уделяет раскрытию воспитательных итогов деятельности Сергия.

Зайцев, несомненно, разделяет подобную точку зрения. Писатель указывает еще на один подвиг преподобного – распространение монастырей, в которых продолжилось духовно-нравственное воспитание народа, начатое Сергием. По мнению автора, именно благодаря "игумену земли русской" появился новый тип человека, способного победить "в поединке с Ханом": "Исторически Сергей воспитывал людей, свободных духом, не рабов, склонявшихся перед ханом. Ханы величайше ошибались, покровительствуя духовенству русскому, щадя монастыри. Сильнейшее – ибо духовное – оружие против них готовили "смиранные" святые типа Сергия, ибо готовили и верующего, и мужественного человека. Он победил впоследствии на Куликовом поле" (1,68). Такова историографическая концепция автора очерка.

В очерке "Преподобный Сергей Радонежский" Борис Зайцев соединил черты как житийной, так и историографической литературы, но оставаясь при этом прежде всего "православным человеком" и "русским художником", автор смог напомнить читателям о жизни и подвиге великого святого, призванного вновь разбудить в народе уснувшие духовные силы и указать путь к возрождению России.

Литература.

1. Дунаев М.М. Православие и русская литература. В 6 частях. Ч.6. –М.: Христианская литература, 2000. –896с.

2. Житие Сергия Радонежского. // Жития святых святителя Димитрия Ростовского. Месяц сентябрь. Издание Свято-Введенского монастыря Оптиной Пустыни. Козельск, 1993. – С.511-563.
3. Житие Сергия Радонежского. // Сергей Радонежский: Сборник. – М.: Патриот, 1991. – С.9-106.
4. Зайцев Б.К. Знак Креста: Роман. Очерки. Публицистика. – М.: Паломникъ, 1999. – 560с.
5. Зайцев Б.К. Преподобный Сергей Радонежский. // Осенний свет: Повести, рассказы. – М.: Советский писатель, 1990. – С.474-520.
6. Ильин И.А. О сопротивлении злу силой // Путь к очевидности. М.: Республика, 1993 –431с.
7. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. - 476с.
8. Ключевский В.О. Значение преподобного Сергия для русского народа и государства. // Сергей Радонежский. – С.387-400.
9. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. // Избранные работы. В 3 т. Л.: Художественная литература, 1987. Т.1. – 656с.
10. Любомудров А.М. Книга Бориса Зайцева “Преподобный Сергей Радонежский” // Литература и история. – СПб.: Наука, 1992. –С. 263-279.
11. Успенский Б.А. Поэтика композиции. // Семиотика искусства. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1995. – 360с.